

*К.В. Вертяев**

ИРАКСКИЙ КУРДИСТАН НА ПУТИ К НЕЗАВИСИМОСТИ: ПОЗИЦИЯ РОССИИ ПО ВОПРОСУ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ИРАКСКИХ КУРДОВ

Резюме: Россия ищет концепцию самостоятельного и независимого прагматизма в своей ближневосточной политике, включая отношения с иракскими курдами. Анализ баланса интересов на Ближнем Востоке позволит России выстроить взаимовыгодные отношения со всеми ключевыми игроками в регионе, в том числе и с Иракским Курдистаном в случае провозглашения его независимости. Тем не менее, судя по последним заявлениям МИД, Россия согласится с независимостью Иракского Курдистана в том случае, если ее признает Багдад. Данная статья рассматривает, насколько независимый Иракский Курдистан будет соответствовать национальным интересам России, а также ставит целью проанализировать препятствия на пути курдской независимости в Ираке, как они видятся российскими учеными и официальными лицами.

Ключевые слова: Иракский Курдистан, независимость, региональный конфликт, автономия, сецессия, самоопределение, Россия, национальные интересы.

Summary: Russia is in search of a concept of «reasonable and independent pragmatism» in the Middle Eastern politics, including relations with Iraqi Kurds. An analysis of the balance of interests in the Middle East will allow Russia to build mutually beneficial relations with all key players in the region, including Iraqi Kurdistan in case of its independence. However, Russia is likely to agree with independence of Iraqi Kurdistan only if it is, hypothetically recognized by Baghdad. This article will discuss to which extent an independent Kurdistan will be consistent with Russia's national interests and objectives including analysis of obstacles on the road to Kurdish independence in Iraq as they are seen by Russian scholars and officials.

Key words: Iraqi Kurdistan, independence, regional conflict, autonomy, secession, self-determination, Russia, national interests.

Одним из основных постулатов российского подхода к ближневосточным проблемам является решение базовых вопросов безопасности компромиссным и коллегиальным путем. Объективный анализ баланса сил в этом регионе позволил бы России выстроить взаимовыгодные отношения со всеми ключевыми игроками региона, в том числе и с Иракским Курдистаном — и как с частью федеративного Ирака, и как с возможным независимым государством. В условиях борьбы с запрещенной в России ИГИЛ, при россий-

* Вертяев Кирилл Валентинович, кандидат политических наук, старший научный сотрудник ИВ РАН.

ском активном участии в разрешении сирийского конфликта, Москва рассматривает курдские конвенциональные политические силы Сирии и Ирака в качестве своих геополитических союзников, причем последних — не только в плане борьбы с терроризмом, но и с точки зрения перспектив экономического сотрудничества РФ с курдистанским регионом Ирака.

Российские компании, такие как «Газпромнефть» и «Роснефть», сейчас активно осуществляют многомиллионные контракты по разведке, добыче и транспортировке нефти в Иракском Курдистане. Россия также поддерживает гуманитарные, экономические и культурные контакты с курдами, учитывая при этом довольно высокий уровень сотрудничества с региональными партнерами: Турцией, Ираном, Ираком и Сирией. Объективный анализ баланса сил на Ближнем Востоке позволит России выстроить взаимовыгодные отношения со всеми ключевыми игроками региона, в том числе и с Иракским Курдистаном в случае провозглашения его независимости.

7 июня 2017 г. президентом курдской автономии в Ираке и лидером Демократической партии Курдистана (ДПК) Масудом Барзани была объявлена дата проведения референдума о независимости Иракского Курдистана: 25 сентября 2017 г. Несмотря на сдержанно негативную реакцию большинства представителей международного сообщества, ни у кого не вызывает сомнений, что такой референдум в Иракском Курдистане будет проведен. На этом фоне заявление МИД РФ о том, что Россия выступает за сохранение территориальной целостности Ирака, недвусмысленно трактуется как негативная оценка объявленного референдума, и такая позиция в значительной степени уязвима в свете недавней активной поддержки Россией пророссийского референдума в Крыму в 2014 г., если принимать во внимание тот факт, что в рамках международных отношений традиционной считается легитимность тех действий, направленных на отделение претендующих на национальный суверенитет территорий, которые вызывают одобрение большинства членов международного сообщества.

Позиция экспертов по ближневосточным вопросам может отличаться от официальной позиции МИД относительно целесообразности и перспектив возможной курдской независимости на севере Ирака, учитывая, что мнение эксперта основано более на анализе полного спектра интересов в регионе, баланса сил и собственных устремлений курдского народа, требующего национального суверенитета. МИД России, в свою очередь, ставит во главу угла национальные интересы государства, и эту позицию можно также прокомментировать или подвергнуть критике.

Национальные интересы Российской Федерации по отношению к статусу региона Курдистан на севере Ирака опосредуются как текущим балансом сил, так и интересами России на всем Ближнем Востоке с перспективами прежде всего экономических отношений с Иракским Курдистаном — как с субъектом федерации, так и с гипотетически независимым государством. Россия словами спикера МИД М. Захаровой подчеркнула нежелательность референдума о независимости в сентябре 2017 г., однако эта позиция, на наш взгляд, автоматически не отрицает права иракских курдов на полити-

ческое самоопределение. Как следует из предыдущих комментариев президента России, «в конце концов, должны быть обеспечены права курдского народа, но каким образом и как это будет сделано, все зависит от Ирака и от самого курдского народа. Но мы не намерены вмешиваться во внутренние иракские процессы»¹. Стоит обратить также внимание на формат встречи президента РФ с премьером правительства курдской автономии Н. Барзани на полях Экономического форума в Санкт-Петербурге в начале июня 2017 г. Она состоялась совместно с неформальной встречей В.В. Путина с президентом Республики Сербской в составе Боснии и Герцеговины — аналогичного квазинезависимого субъекта в составе федеративного государства, который характеризуется в целом ориентацией на Россию и дружественными отношениями с РФ. Ситуация вокруг иракских курдов и Ирака в целом рассматривается Россией также и в рамках обеспечения коллективной безопасности организации Шанхайского сотрудничества (ШОС), где в настоящее время наблюдателем является Иран, выступающий против курдского референдума в Ираке. Однако сохранение территориальной целостности Ирака является не единственным аспектом, определяющим официальную позицию России по отношению к референдуму.

Очевидно, что опасения всех стран, которые выразили сдержанно негативную реакцию на будущий референдум (США, Великобритания, Германия, Франция, Турция, и менее сдержанно — Иран), коренятся в непредсказуемости нынешнего процесса освобождения Ракки и Мосула с весьма вероятным его переходом в фазу суннитско-шиитского конфликта на территории Ирака, а также в противоречивости трактовок собственно «курдских» политических границ внутри Ирака, в рамках которых такая независимость могла бы быть реализована. Время проведения референдума также видится во многом политически манипулятивным и нацеленным на то, чтобы обеспечить поддержку ДПК, инициировавшую проведение референдума в период между августом 2017 г., когда заканчивается дополнительный (и формально нелегитимный) срок президентства М. Барзани, и ноябрем — временем парламентских, а затем президентских выборов в Иракском Курдистане.

Из истории борьбы иракских курдов за свою независимость нам известно, что первые восстания с целью курдского самоопределения произошли уже через 6 лет после создания Иракского королевства — в 1932 г. под руководством шейха Ахмеда Барзана. Затем в 1943 г. последовало крупное восстание сторонников его брата — Мустафы Барзани. Проблема курдского суверенитета в форме автономии в Ираке стала наиболее острой начиная с 60-х гг. прошлого столетия, когда после революции 1958 г. курды на севере страны начали требовать всё большей политической самостоятельности, выступая против авторитаризма центральной власти в Багдаде и насильственной арабизации курдских земель. Возглавляемая генералом Мустафой Барзани Демократическая партия Курдистана, которая, по сути, превратилась в военно-политическую организацию, вела вооруженную борьбу за создание курдской национальной автономии в Ираке.

Важную роль в создании автономии сыграл СССР, когда при посредничестве спецкора «Правды» Е.М. Примакова на рубеже 60 – 70-х гг. велись переговоры между баасистским правительством Ирака в лице Саддама Хусейна (тогдашнего вице-председателя Совета революционного командования, отвечавшего в баасистском кабинете за переговоры с курдами) и Мустафой Барзани. Курдская автономия была провозглашена в рамках соглашения с иракским правительством в 1970 г.

Здесь нужно учитывать, что в тот период перед ближневосточной политикой СССР стояли довольно сложные проблемы. В своей поддержке национального движения курдов Москва во многом стремилась сделать иракские политические элиты более управляемыми и, как отмечал в свое время отечественный курдовед М.С. Лазарев, такая политика вряд ли диктовалась курдофильскими соображениями Москвы. Ее курс, ввиду в целом проарабской ориентации СССР, был по необходимости осторожным и гибким, т. е., попросту говоря, беспринципным². Курдская проблема в целом и в Ираке в частности была лишь одним из слагаемых ближневосточной политики СССР, причем не самым определяющим. Однако преимущественное положение Москвы в курдском вопросе в сравнении со странами Запада определялось в тот период еще наличием подготовленных кадров курдоведов и традиционными дружескими взаимоотношениями с представителями курдской политической элиты. Поэтому основной целью курдской политики СССР в 60 – 70-е гг. было укрепление своего военно-политического влияния в регионе Иракского Курдистана за счет поддержки левого, прокоммунистического, движения в этом регионе. Как отмечал М.С. Лазарев, народ Курдистана, «страны гор и востаний», имел многовековые традиции вооруженной борьбы за свободу и независимость, поэтому «левизна» и политический радикализм органически входили в менталитет курдов³.

В этой связи внутреннее размежевание в среде иракских курдов о путях и целях национально-освободительной борьбы началось уже в 1964 г., а окончательно оформилось в 1975 г., когда бывшими сторонниками Барзани во главе с Джелалом Талабани, не без помощи Сирии, была создана новая партия — Патриотический союз Курдистана (ПСК). Раскол оформился не только по идеологическому принципу: ПСК придерживался более левых взглядов, а его сторонниками в основном выступали курды, говорящие на диалекте сорани курдского языка, проживавшие в Сулеймании, которые находились в политической оппозиции с Бахдином — районом проживания курдов-курманджи, поддерживающих ДПК. Идеиный раскол в среде иракских курдов, а также отсутствие поддержки со стороны Ирана после заключенного в 1975 г. Алжирского соглашения между Ираком и Ираном, пресекавшим поставки вооружений иракским курдам через иранскую территорию, привели к временному поражению курдского национального движения. Как бы то ни было, восстание Барзани позволило СССР с начала 60-х до середины 70-х гг. установить свое влияние в Иракском Курдистане, включая посредничество в снабжении сторонников Барзани через территорию Ирана военной и материальной помощью. Можно утверждать, что во многом благодаря поддержке

Москвы на северо-востоке Ирака и образовалась курдская автономия — зачаток будущей курдской государственности. Несмотря на определяющую роль США в становлении курдской автономии Ирака после 2003 г., многие курды в Ираке испытывают симпатии к России, памятуя о том, что СССР предоставил убежище Мустафе Барзани и его сторонникам. Многие иракские курды обучались в СССР и России.

Однако политические позиции СССР в регионе сошли на нет уже во второй половине 70-х гг., когда любая вовлеченность Москвы в курдские дела в Ираке ввиду крайне нестабильных позиций в Багдаде виделась нежелательной. Тот факт, что Москва фактически закрывала глаза на вопиющие репрессии баасистского режима в Ираке против курдов, включая химические атаки в Халабдже в 1988 г. и операцию «Анфаль», которая многими расценивается как попытка геноцида курдского населения на севере Ирака⁴, не добавляли авторитета СССР в глазах иракских курдов. До того как в 2003 г. силами коалиции во главе с США был свергнут Саддам Хусейн, курды были отстранены от управления государством и участия в распределении государственных ресурсов, в первую очередь от продажи нефти. При этом курды и до операции «Анфаль» подвергались жестоким репрессиям: в 1975 г. на границах с Ираном, Турцией и Сирией были уничтожены сотни курдских деревень с целью создания «пояса безопасности».

Региональное коалиционное правительство Иракского Курдистана было сформировано в 1992 г. в результате создания при помощи войск коалиции во главе с США и с согласия ООН «зоны безопасности» на севере Ирака и изгнания иракских войск из территорий преимущественного расселения курдов: регионов Дохук, Эрбиль и Сулеймания. Согласно новой иракской конституции 2005 г., именно эти территории, объединенные понятием Региона Курдистан или Иракского Курдистана, получили статус широкой автономии. Также иракская конституция предусматривает решение статуса принадлежности курдистанскому региону нефтеносного Киркука путем референдума.

В 1993 г. Масуд Барзани заявил, что курды провозгласили курс на создание федеративного государства в Ираке⁵. Однако годом позже между ДПК и ПСК возникли непреодолимые противоречия относительно распределения полномочий в Иракском Курдистане и таможенных доходов «Свободного Курдистана», которые переросли в вооруженные столкновения между сторонниками двух курдских партий. В сентябре 1998 г. при посредничестве США было заключено соглашение между ДПК и ПСК о создании временной администрации из представителей обеих партий. При этом была провозглашена приверженность единству и территориальной целостности Ирака, согласована формула раздела доходов от приграничной торговли. В рамках федеративного Ирака Курдистан получил долю в 13% от экспорта всей иракской нефти, которая затем была увеличена до 17%.

Нынешние причины, подтолкнувшие руководство Иракского Курдистана взять курс на независимость от Багдада, кроются в неадекватности эффективной организации управления в рамках федеративной системы, в частности указанного распределения ресурсов от продажи нефти и реали-

зации положений конституции Ирака относительно спорных территорий. В настоящее время Иракский Курдистан имеет отдельный бюрократический аппарат, собственные вооруженные силы (пешмерга) и службу безопасности (АСАИШ), налаженные внешнеэкономические связи, развитую инфраструктуру, два международных аэропорта и значительные запасы углеводородных ресурсов — нефти и газа.

Отсутствие полного консенсуса внутри Иракского Курдистана по вопросу о необходимости и актуальности референдума о независимости всё еще остается на повестке дня. Несмотря на то что в апреле 2017 г. две крупные партии — ДПК и ПСК — достигли соглашения о его целесообразности, а 7 июня к ним присоединились еще 11 более мелких политических партий, против проведения референдума выступила вторая по влиянию в Иракском Курдистане партия «Горран» («Перемены»), а также небольшая Исламская группа Курдистана. По словам спикера партии «Горран» Шорша Хаджи, «референдум носит нелегальный характер: он должен проводиться от имени парламента Иракского Курдистана, а не инициироваться отдельной партией или руководителем регионального правительства, чья легитимность находится под вопросом»⁶. Дело в том, что деятельность курдистанского регионального парламента была фактически заблокирована в 2015 г., когда его спикеру от партии «Горран» Юсуфу Мохаммеду было отказано в принятии на себя функций главы автономии после того, как формально закончился срок президентства Масуда Барзани. Именно спикер, согласно конституции, должен исполнять функции главы автономии после завершения полномочий избранного президента. Таким образом, с октября 2015 г. парламента Иракского Курдистана не проводит свои заседания по причине серьезных разногласий между ДПК и партией «Горран» по поводу чрезвычайного продления полномочий президента автономии. При этом сторонники оппозиционной партии видят приоритетным решение данного внутривнутриполитического кризиса перед проведением референдума о независимости.

Все политические силы Иракского Курдистана заявляют о том, что референдум о независимости не будет автоматически означать одностороннего ее провозглашения. Между тем существует очевидное стремление элит Иракского Курдистана провести референдум до окончательной победы над ИГИЛ, после которой явно активизируется новое перераспределение политического влияния на Ближнем Востоке всех региональных и мировых игроков. Таким образом, иракские курдские элиты упреждающим волеизъявлением курдского населения обезопасят себя от возможного «второго Сайкс — Пико», когда курдская государственность на севере Ирака может быть принесена в жертву сиюминутным устремлениям и национальным интересам как соседних государств, так и крупных держав.

Падение цен на нефть в 2014 – 2015 гг. стало началом острого экономического кризиса в Иракском Курдистане, когда непомерно завышенные траты на содержание госслужащих, сил безопасности и пешмерга вызвали бюджетный дефицит, который региональное правительство не могло компенсировать за счет полагающихся 17% доходов от экспорта всей иракской неф-

ти. Кризис усугублялся жизненной необходимостью вести боевые действия с ИГИЛ. На этом фоне нынешняя активность крупнейших российских нефтяных корпораций («Газпром» и «Роснефть») на внутреннем нефтяном рынке Иракского Курдистана и заключенные крупные инвестиционные контракты стали важным и необходимым источником вливания средств в экономику-рантье, напрямую зависимую от нефтяной ценовой конъюнктуры. Между тем точно оценить уровень запаса нефти в Иракском Курдистане практически невозможно, учитывая отсутствие чётких границ Курдистана. По мнению ведущего эксперта Союза нефтегазопромышленников России Р. Танкаева, извлекаемые запасы Иракского Курдистана вряд ли превышают 500 млн т нефти, а большинство заявлений властей Курдистана о богатых запасах нефти являются, скорее, политическими, рассчитанными на привлечение инвесторов⁷. На фоне динамично развивающихся экономических связей с Иракским Курдистаном осторожная позиция России в политической сфере опосредована желанием не навредить отношениям как с Иракским Курдистаном, так и Ираком, с одной стороны, и не дать себя втянуть в какие-либо антикурдские действия — с другой. Такая попытка «усидеть на двух стульях» будет являться определяющей внешнюю политику РФ в отношении этого вопроса и после проведения референдума.

Результаты волеизъявления в Иракском Курдистане абсолютно ясны — оно уже проходило неофициально в 2005 г., когда был показан высокий потенциал местной поддержки самоопределения. Для Эрбиля было жизненно важным (опять же, с точки зрения курдских национальных интересов) проведение референдума на спорных территориях Синджара, Ханакина и Киркука, а его результаты должны, по идее, стать мощным инструментом в переговорах регионального правительства с Багдадом о будущей курдской независимости с официальным включением богатого нефтью Киркука в состав Иракского Курдистана. Однако сделать это будет непросто. Статус спорных территорий остается неразрешенным с момента создания автономии в 1970 г. Очевидно, что попытка иракских курдов включить их в состав независимого государства (в случае его провозглашения) вызовет предсказуемо негативную реакцию как центрального правительства Багдада, так и шиитского ополчения «Хашд аш-Шааби», наделенных багдадским режимом статусом военизированных формирований, но находящихся под патронажем Ирана. По большому счету, вопрос спорных территорий в случае выхода Курдистана из Ирака неразрешим путем переговоров; он приведет к более чем вероятному вооруженному конфликту с учетом того, что на фоне подготовки референдума уже назревало противостояние между Багдадом и Эрбилем, а у Багдада имеются явные преимущества в военно-воздушных силах и тяжелой артиллерии. Думается, в МИД России это отчетливо видят и понимают.

Что касается ситуации вокруг территориальной принадлежности богатого нефтью Киркука к курдской автономии, то она видится наиболее острой и также остается неурегулированной со времени ее создания: тогда, в 1970 г., имелась договоренность между автономией и Багдадом (впрочем, нереализованная) о том, что Киркук может формально находиться под юрисдикции-

ей Иракского Курдистана, однако контроль за распределением киркукской нефти будет осуществляться Багдадом. Однако реализация подобного компромиссного плана, по сути, поставила бы крест на независимости иракских курдов, которая без полного контроля над Киркуком будет лишена смысла.

По словам нынешнего губернатора Киркука Надждадина Карима (гражданина США и бывшего директора Курдского института в Вашингтоне), статус Киркука должен быть определен параллельно с референдумом о независимости Иракского Курдистана. При этом он подчеркивает, что в рамках будущего независимого курдского государства Киркук будет иметь особый статус как «мультинациональный город». Во времена правления С. Хусейна город подвергался усиленной арабизации, сейчас в этом регионе расположились около 500 тыс. беженцев — в основном арабов-суннитов из регионов Хавиджа и Салахеддин. Этнический состав Киркука является предметом ожесточенных споров между курдским региональным правительством и Багдадом и остается политически мотивированным. До вторжения в этот регион сил ИГИЛ 53% населения составляли курды, 33% — арабы и 14% — туркоманы. По мнению губернатора Киркука, даже если регион и проголосует за вхождение под юрисдикцию курдского регионального правительства, ему необходимы несколько лет самоуправления для выработки межнационального консенсуса. Губернатор не исключает также создание в Киркуке самоуправляемого региона, отдельного от Багдада и Курдского регионального правительства⁸.

Многие эксперты понимают, что проведение референдума о независимости Иракского Курдистана в Киркуке возможно лишь после референдума о включении этого региона под юрисдикцию Регионального правительства Иракского Курдистана. В противном случае мы можем стать свидетелями так называемого «крымского прецедента», когда неурегулированный статус спорной территории без ясного и преобладающего выражения воли местных жителей в случае любой политической дезинтеграции будущего курдского государства может стать толчком для сепаратистского (опять же, с точки зрения интересов Иракского Курдистана) движения в Киркуке, основанного на арабском или туркоманском этническом партикуляризме и весьма вероятном военном вмешательстве со стороны центрального правительства в Багдаде. Это, в свою очередь, может вовлечь Турцию в конфликт под предлогом защиты этнических турок, учитывая жесткую риторику правительства Турции в отношении перспектив самоопределения Киркука.

Территориальная принадлежность Синджара (Шангала) также оспаривается Иракским Курдистаном (а точнее — не подвергается сомнению), однако сторонников присоединения к независимому Курдистану здесь гораздо меньше, чем в Киркуке. Синджар и Шангал, населенные езидами и другими немусульманскими народами, постепенно становятся оплотом сторонников Рабочей партии Курдистана (РПК), а также шиитских группировок, выступающих негативно относительно распространения здесь влияния ДПК. Такая тенденция во многом сформировалась после того, как в августе 2014 г. силы Пешмерга, подконтрольные ДПК, оставили эти районы на фоне наступления

сил ИГИЛ, что привело к физическому уничтожению сторонниками псевдохалифата многих езидов в этом регионе. Однако противодействием сил курдской самообороны, пришедших из Сирии, аффилированных с РПК, а также привлечением сил Пешмерга и ВС Ирака удалось остановить геноцид езидов. Тем не менее силы самообороны езидов и поддерживающие их сторонники РПК стараются не допускать использования в регионе флагов независимого Курдистана, который ассоциируется у их сторонников с кланом Барзани.

Рассматривая опыт отделения других стран на основе этнического партикуляризма, можно заметить, что они в основном стали результатом субъективно воспринимаемой угрозы национальным интересам для периферийных моно- или полиэтнических групп, разделяющих общий набор ценностей и взгляды на национальное самоопределение. В большинстве случаев такая угроза возникала в связи с гражданской войной и/или неконвенциональным способом смены власти в стране. Безусловно, основным источником угрозы для Иракского Курдистана является ИГИЛ, но при этом, несмотря на все экономические и политические противоречия между курдским региональным правительством и Багдадом, эти противоречия не могут считаться настолько же критическими, насколько вышеупомянутая угроза ИГИЛ для национальных интересов курдов. Похоже, что после референдума правительство Иракского Курдистана должно четко определить, какую именно угрозу национальным интересам и национальной курдской безопасности оно видит в связи с пребыванием в составе федеративного Ирака.

Понятно, что результат борьбы курдских ополченцев в Сирии и Пешмерга в Ираке против экспансии ИГИЛ приводит не только к определенной форме суверенитета курдских анклавов в Сирии и автономного Иракского Курдистана, но и к расширению контролируемых ими территорий. Очевидна также и решимость иракских курдов провести референдум на своей территории, а также на спорных территориях внутри Ирака и добиваться полной независимости с сохранением добрососедских отношений с Ираком. В свете определенной непредсказуемости перспектив политического развития в Сирии и Ираке после неминуемой победы над ИГИЛ России всё же нельзя игнорировать фундаментальные принципы и права на самоопределение за курдским народом Ирака. С другой стороны, очевидно и то, что с выходом курдов из состава федерации произойдет весьма непредсказуемый по своим последствиям распад всего Ирака, поскольку перспективы существования единого «суннитско-шиитского» государства после ухода курдов также выглядят весьма призрачными. В планах реализованного США проекта иракской федерации курды рассматривались (и до сих пор рассматриваются) в качестве важной составляющей «треугольника стабильности» иракского курдо-шиитско-суннитского государства. Однако этот проект к настоящему моменту обнаружил свою несостоятельность, и Ирак находится в полшаге от того, чтобы стать failed state (несостоявшимся государством) по очевидным признакам ввиду недоговороспособности между элитами иракских курдов и правительством в Багдаде (так называемым «государством Закона»), представленном в основном шиитскими элитами, находящимися в тесном сотруд-

ничестве с Тегераном. При этом необходимо учитывать и то, что по-прежнему существуют международные и, особенно, внутренние и региональные условия, которые можно рассматривать как препятствия для процесса курдского самоопределения, и этот процесс в будущем будет зависеть от сочетания ряда факторов, которые в данный момент неочевидны. Помимо угроз вооруженного столкновения между Эрбилем и Багдадом есть еще политические и идеологические противоречия между основными силами в Иракском Курдистане, такими как ДПК, с одной стороны, и ПСК и «Горран» — с другой. Не добавляет оптимизма и тот факт, что, по сути, антитеррористические силы Пешмерга разделены и управляются из двух центров: из подконтрольного ДПК Эрбиля и сторонниками ПСК в Сулеймании. Усугубляет ситуацию и наличие около 2 млн беженцев на территории Иракского Курдистана.

Результаты референдума, возможно, привнесут новые расклады в распределение мест в парламенте, однако крепнущая объединенная оппозиция к ДПК в лице ПСК и «Горран», а также нескольких более мелких партий позволяет говорить о сложных перспективах переговорного процесса по вопросу распределения полномочий в рамках представительства разных политических сил в едином курдистанском парламенте. То же самое касается и переговоров о мирном «разводе» Эрбиля и Багдада, которые при отсутствии вооруженного обострения вокруг территориальной принадлежности спорных территорий продлятся не один год. Скорее всего, мы станем свидетелями процесса так называемой неконвенциональной независимости Иракского Курдистана, когда региональное правительство, например, удалит флаги Ирака с государственных учреждений внутри автономии, однако продолжит использовать два флага — иракский и курдский — только лишь для официальных международных встреч. Думается, что после референдума активизируются и международные усилия руководства Иракского Курдистана по признанию независимости курдов — как в рамках ООН, так и в рамках двусторонних межгосударственных контактов. И здесь позиция России окажется вновь уязвимой, учитывая, что многие российские общественные организации, а также экспертное сообщество выскажутся за признание независимости курдов «де-факто». Поддерживаемый Россией принцип переговорного процесса между курдским обновленным парламентом и Багдадом в настоящее время видится в Москве единственным возможным подходом к решению курдской проблемы в Ираке. Необходимо учитывать, что в основе национальной мобилизации курдов внутри Ирака постепенно формируется принцип курдской национальной идеи, стержень которой составляет вполне понятный тезис о том, что никакие курдские политические силы, отрицающие терроризм как форму навязывания определенных политических взглядов, не будут находиться в состоянии вооруженного конфликта друг с другом или, другими словами, никто из курдов не будет сражаться с другим курдом. И такая понятная на данном историческом этапе национальная доктрина, устраивающая всех международных игроков, может быть принята во внимание курдами не только в Ираке, но и на всем Ближнем Востоке, включая Турцию, Сирию и Иран.

Примечания

- 1 Комсомольская правда. 23.12.2016. www.kp.ru/daily/26624.7/3641299/
- 2 Лазарев М.С. Россия и Курдистан // Курдский альманах. М., 2001. С. 34.
- 3 Там же. С. 36.
- 4 Геноцид в Иракском Курдистане. М., 2003. С. 300.
- 5 Gunter M. The Foreign policy of the Iraqi Kurds // Journal of South Asian and Middle Eastern Studies. Vol. XX. № 3 Spring 1997. P. 9/
- 6 <http://ekurd.net/gorran-independence-approval-2017-06-11>
- 7 www.gazeta.ru. 28.04.2016
- 8 www.middleeasteye.net/news/kirkuk-governor-interview-644397263